

ТУРГЕНЕВСКИЙ

Б И Р Ю Ч

ПЕТРОГРАДСКИХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ТЕАТРОВ.

№ 2.

9—15 НОЯБРЯ

1918.

Четыре встречи с И. С. Тургеневым.

(Беседа с профессором С. А. Венгеровым).

Среди современных русских литераторов, пожалуй, очень мало найдется таких, которые помнят И. С. Тургенева, а тем более встречались с ним и знали его. Одним из таких немногих счастливых современников является наш известный критик, профессор С. А. Венгеров.

С. А. был так любезен, что, в кратких словах, рассказал нам о своих встречах с автором «Дворянского гнезда».

— Не знаю, соберусь-ли я когданибудь написать свои воспоминания о Тургеневе,—сказал нам почтенный писатель,—но часть своих впечатлений я могу

вам рассказать. Первая моя встреча с Тургеневым произошла 6-го мая 1876 года. Мы вместе завтракали и на этом завтраке присутствовали также А. С. Суворин и князь Мещерский. Тургенев очень оживленно разговаривал о разных литературных делах и произвел на меня чарующее впечатление своей чрезвычайной простотой и каким-то поражающим отсутствием сознания своей славы. Поразило меня его отношение к М. М. Стасюлевичу. Он говорил о том, как Стасюлевич к нему «хорошо относится, какой он для него «добрый редактор». Очевидно, он просто не сознавал, какую великую честь оказывал Стасюлевичу тем, что печатал свои произведения в его журнале! Думаю, что такое отношение к Стасюлевичу объясняется тем, что Тургенев помнил о поступке Каткова, который, печатая его «Отцы и дети» в «Вестнике», позволил себе, без ведома автора, сделать поправки. В Тургеневе всегда подкупало отсутствие какого-либо налета важности. И это была не напускная скромность, а настоящая, органическая. Кроме того, он был прекрасный, увлекательный рассказчик и интересный собеседник. Не останавливаясь на очень многих подробностях, которые я собираюсь впоследствии опубликовать, я сейчас отмечаю только общую скромность и благожелательность Тургенева.

Затем я встретился с Тургеневым в 1879 году на знаменитом обеде, который был устроен в его честь, и где произошел нашумевший в свое время инцидент с Достоевским. Обед этот был редкостью для тогдашнего времени по своей торжественности. Он отличался обилием речей, среди которых обратили на себя внимание речи Спасовича, Таганцева и остроумная речь И. Ф. Горбунова: он в сердитом тоне, жаловался на «Записки Охотника», в которых, против его ожидания, автор повествует о каких-то крестьянах, а не об охотниках. Словом, обед про-

извел на всех прекрасное, в высшей степени импозантное впечатление и только в конце произошел неприятный инцидент с Достоевским. Инцидент возник по поводу ответной речи Тургенева, в которой он говорил об «увенчании здания реформ Александра II». Под «увенчанием здания» подразумевалась конституция. Все превосходно поняли, в чем дело, и только Достоевский поставил вопрос ребром: — «Что значит—увенчание здания?»

Присутствовавшая на обеде публика отнеслась к выступлению Достоевского крайне сурово, усматривая в нем чуть-ли не донос, какое-то подсиживание Тургенева, тем более, что все знали о существовавшей между обоими писателями вражде. За этот неуместный вопрос Достоевский сделался затем предметом нападок и со стороны «Вестника Европы». Общее чувство негодования против Достоевского было так сильно, что он должен был оправдываться и говорить: «Я, ведь, Тургенева очень ценю, я даже явился на обед во фраке...»

Вспоминая о тех временах,—продолжал С. А. Венгеров,—я должен сказать, что Тургенев тогда был центром общего внимания, ибо в ту пору он считался первым русским писателем.

Ни Достоевский, ни Толстой не пользовались еще тем обаянием, каким пользовались после, когда им суждено было превзойти Тургенева. Публика и критика поняли впоследствии, что Толстой и Достоевский выше Тургенева, что Тургенев просто хороший писатель, а они оба гениальны.

В третий раз я видел Тургенева в доме его друга, Я. П. Полонского, если не ошибаюсь, в том же 1879 году, и, наконец, в четвертый раз, мне довелось встретиться с ним на вечере в пользу Литературного фонда, где он вместе с Савиной читал свою «Провинциалку», исполняя роль пожилого графа

селадона. Читал Тургенев превосходно. В том же вечере участвовал Достоевский. Если Тургенев был прекрасный чтец, то Достоевский пророчествовал. Прошло уже с тех пор 40 лет, но ничего подобного этому проникновенному чтению мне не приходилось встречать. До сих пор я испытываю ощущение какого-то трепета. Никогда я не присутствовал при такой мертвой тишине в зрительном зале, при таком захвате слушателей. Все были во власти этого старичка, тонким, пронзительным голосом читавшего «Исповедь горячего сердца...»

Р.
